

ИНТЕР-энциклопедия качественных методов

ИНТЕР-энциклопедия: нарративное интервью

DOI: 10.19181/inter.2020.12.4.8

Ссылка для цитирования:

Рождественская Е. Ю. ИНТЕР-энциклопедия: нарративное интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 4. С. 114–127. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.8>

For citation:

Rozhdestvenskaya E. Yu. (2020) INTER-Encyclopedia: Narrative Interview. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 4. P. 114–127. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.8>

*Елена Рождественская**

В статье описываются методология и методика проведения нарративного интервью, а также его анализа. Метод нарративного интервью представлен из перспективы более широкого нарративного подхода, базирующегося на коммуникативных формах рассказывания. В круге понятий нарративного подхода рассмотрены события, их отбор, последовательность, сегментация, линеаризация, связность, инстанция рассказчика, двойная временная перспектива рассказывающего Я и рассказанного Я. Представлена методология нарративного интервьюирования Ф. Шютце, его концепция анализа транскрипта нарративного интервью. Изложен подход Г. Розенталь к анализу нарративного интервью, основные принципы тематического, или содержательного, анализа нарративов.

Ключевые слова: нарратив; интервью; нарративный анализ

Нарративное интервью (также — свободное, глубинное, неструктурированное, неформальное) стимулирует информантов рассказывать историю о каком-либо значительном событии из их жизни. Проясним понимание *нарративного подхода* к анализу коммуникативной формы рассказывания/повествования. Под нарративное подпадает широкий круг повествовательных форм — роман, анекдот, пиаровская легенда фирмы, история драматического старта в болезнь и т.д. Различаемы литературное рассказывание (в письменной форме литературы), разговорное рассказывание (в устной форме повседневных разговоров) и институциональное рассказывание

* Рождественская Елена — доктор социологических наук, профессор факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, rigasvaverite@gmail.com.

(в функциональной связи с запросами социальных институтов). Общим признаком рассказывания является вербальное отображение изменений во времени. Мы рассказываем, когда хотим передать события или опыты, которые произошли в прошлом и значимы для нас сегодня. Произошедшее как временная последовательность событий становится *историей*, или *плотом* (*plot*), со смысловым порядком, подчиненным структуре значений. Соответственно *emplotment*¹ — перевод последовательности событий в действия истории, центр которой всегда — событие, приводящее к изменениям (чему-то необычному, неожиданному дестабилизирующему, что нарушает нормальный ход вещей). Плот поддерживает *когеренцию*, или связность, — создает значимый порядок элементов через способ их связи. Эти усилия рассказчика по созданию структуры повествования обнаруживаются благодаря операциям *сегментирования* потока событий, *селекции* их элементов, их *линеаризации* в предложения, следующие одно за другим, и приписывания значений (Carr, 1986). Временное изменение, которое переживают рассказчики, отражается в определенном сеттинге как наборе обстоятельств времени и места (Ibid.).

Рассказ связан с пережитым у рассказчика, или персональной *инстанцией*, порождающей точку зрения. Ее реконструкция становится возможной не благодаря заявлению о ней, подобная декларация скорее привела бы к постановке задачи о манифесте и латентном содержании. Через отбор событий пролагается смысловая линия, позволяющая судить о критериях их значимости для конкретной истории. Аналогично этому обнаруживаемая смысловая линия рассказа позволяет предполагать и основания *неотбора* в различных вариациях. Это и опускание незначимого для истории, и неотбор отрицаемых актуальной идентичностью мотивов для прошлых историй, и неотбор значимых для истории элементов, фактически означающий смысловой разрыв, умолчание.

Прошедшее становится историей, которая мотивирует нас каким-либо образом. Поэтому к содержательным характеристикам рассказа (временное изменение, плот, персонажи и сеттинг) прибавляются и риторические — «как», рассказывается исходя из определенной перспективы прошедшего, в которой манифестируется отношение рассказчика к прошедшему — перспектива *Я-рассказчика*. Двойная перспектива Рассказанного и Рассказывающего, по мнению М. Энгельгарта (Engelhardt, 1990), означает, что *рассказывающее Я* в актуальной ситуации рассказа представляет его прошедшее, то есть *рассказанное Я* как вспомненный носитель действий. Первое из них передает тогдашнее прошедшее как последовательность из перспективы пережитого, которое, однако, сегодня далеко от тогдашнего положения и знает, чем все закончилось. Исходя из этой двойной временной перспективы у рассказчика в распоряжении идеально типически два модуса изображения: перспектива *рассказанного времени* (время, в течение которого разыгрывается история)

¹ *Emplotment* — сюжетосложение, термин, введенный Хейденом Уайтом и используемый им для описания историографического стиля в (Уайт, 2002). Позднее Поль Рикер перевел это понятие на французский как *la mise en intrigue*.

с ее тогдашним центром ориентации и перспектива *времени рассказа* («здесь и теперь» рассказа) как актуального центра ориентации. Слушатель репрезентирует для нас как рассказчиков социальный горизонт нашей истории, выполняя важные функции социального признания.

Систематическое описание нарративной техники интервью было предложено немецким нарративистом Ф. Шютце (Schuetze, 1976, 1983, 1984). Его основная идея состоит в том, чтобы реконструировать социальные события с точки зрения информантов, насколько это возможно. Нарративное интервью как метод относится к качественным методам исследования (Lamnek, 1989; Flick, 1998) и представляет собой неструктурированное глубинное интервью с определенным сценарием проведения. Отличие структурированных и полуструктурированных интервью от нарративного заключается в том, что интервьюер в коммуникации с опрашиваемым интервенирует: путём выбора темы и подтем, путём упорядочивания последовательности вопросов и путём формулирования вопросов в своей лексике. Таким образом интервьюер контролирует ситуацию интервью. Напротив, в нарративном интервью влияние интервьюера сокращается в пользу свободы высказывания интервьюируемого. Для достижения этой цели в нарративном интервью воссоздается повседневное коммуникативное взаимодействие, а именно рассказывание и выслушивание. При этом интервьюер ограничивается ролью внимательного и эмпатийного слушающего, который не оценивает и не перебивает рассказчика, самостоятельно ориентирующегося в выборе тем для рассказа и языка для их описания.

Уже в процессе рассказа автор ориентируется на понимание, развивая соответствующие стратегии. Их Ф. Шютце (Schuetze, 1984) назвал *когнитивными фигурами* спонтанного рассказа, выделяя содержательно следующие:

- представление рассказчика как носителя социального опыта и других персон,
- информация о месте, времени и ситуативных обстоятельствах, необходимых для понимания происходящего и его значения,
- передача цепочки событий и опытов, в которой автор тематизирует внешние и внутренние аспекты пережитого:
 - о личные схемы действий,
 - о институциональные образцы жизненных путей,
 - о кривые жизненных путей,
 - о процессы перемен.
- погружение происходящего и персонажей в мир с определенными свойствами и правилами,
- передача автобиографического гештальт-опыта, который проявляется в пересекающихся взаимосвязях рассказа и оценках.

Наряду с когнитивными фигурами рассказчик следует поддержке динамического принципа упорядочения повествования — *цугцвангам* конденсирования/уплотнения, детализации и создания гештальта, целостного образа. Итогом этой титанической малозаметной работы становится постулированная

Ф. Шютце гомология пережитого рассказанному (Schuetze, 1983), максимальное приближение к структурам проживаемого опыта, «выращивание» нарративности в отличие от описательности, уводящей от событий, их переживаний и, соответственно, значений.

Тем не менее свободный спонтанный рассказ, по мнению Ф. Шютце, не лишен структуры. Но эта структурированность задается жанрами повседневного рассказывания, в которых рассказчики компетентны, так как социализированы в определенных нарративных культурах (сказки, анекдоты, истории, отчеты, сообщения, описания...). Рассказывание историй реализует универсальную компетенцию повествовать о социальных событиях со словами и значениями, характерными для определенной социальной группы. Язык социальной группы отражает ее взгляд на мир. Ядро нарратива — событие. В структуре нарратива описывается контекст события, персонажи, последовательные действия, приводящие к ключевому событию, имеющему последствия для рассказчика, и оценку этого события с кодой, вписывающей смысл рассказанного в актуальное время. Ситуация, постановка целей, планирование и оценка результатов являются составными частями целенаправленных действий человека. Нарратив наиболее адекватно реконструирует это действие и его контекст: раскрывает место, время, мотивацию и символическую систему ориентации актера (Schuetze, 1976). Событие рассматривается как герменевтический конструкт, выстраиваемый рассказчиком в нарративе на основе «сырых» данных опыта или воображения и превращаемый в вербальные структуры с целью оречевления и осмысления опыта. Речь идет о весьма относительной гомологии и сближении рассказа с реферируемой реальностью («как это все было на самом деле»), зазор между ними продуктивен, поскольку отражает изменившееся отношение рассказчика к пережитому с течением времени.

Нарратив следует самогенерирующейся схеме, отражающей правила рассказывания хороших (достойных выслушивания и неперебиваемых слушателями) историй (Labov, 1972; Labow, Waletzky, 1967, 1973). Схему рассказа или соглашение о повествовании можно представить как грамматику рассказа (Johnson, Mandler, 1980; Kintsch, van Dijk, 1978). Эти особенности рассказывания историй будут генерировать поток повествования из основных правил или структур, как только рассказчик возьмет слово. Ход повествования относительно независим от интервьюера, роль которого ограничивается ролью внимательного слушателя. Рассказывание историй (согласно концепции Ф. Шютце) следует самогенерируемой схеме с тремя основными характеристиками:

- **Детализация:** для предоставления подробной информации, для правдоподобного учета перехода от одного события к другому. Рассказчик подробно описывает события, чтобы перейти от одного события к другому. Рассказчик стремится предоставить столько деталей, сколько необходимо для осуществления этого перехода, принимая во внимание запрос со стороны слушателя. Чем меньше знает слушатель, тем больше

будет рассказано деталей. Таким образом, рассказ гомологично приближается к событиям, поясняя время, место, мотивы, точки ориентации, планы, стратегии и способности.

- **Релевантность:** рассказчик включает те описания события, которые имеют отношение к его избирательному видению мира. Рассказ разворачивается вокруг тематизаций, отражающих субъективную точку зрения информанта.
- **Закрытие гештальта:** событие, описываемое рассказчиком, должно быть полностью представлено в повествовании через обозначенные начало, середину и завершение истории. Эта тройственная структура излагаемой истории вынуждает автора занять позицию по отношению к событию, придумать его смысл.

Методологически нарративное интервью нацелено на задачу стимулирования такой схемы повествования, чтобы рассказчик самостоятельно поддерживал нарративный процесс, используя самогенерирующуюся схему повествования. Если следовать правилам нарративного интервьюирования, предложенным Ф. Шютце (Schuetze, 1976), то сценарий проведения нарративного интервью будет следующим.

Нарративное интервью начинается с изложения нарративного импульса, развивается через основной этап повествования, переходит к последующему нарративному расспрашиванию, далее — к рефлексивной фазе и заканчивается беседой, выравнивающей баланс полученного и отданного, нередко сочетая консультацию и возможность со стороны интервьюера поделиться собственным опытом. Для каждого этапа применяются свои правила.

Правила на каждом этапе нарративного интервью

На нулевом этапе перед выходом в «поле» ведется подготовка к изучению его контекстной специфики и формулируется основной нарративный посыл, цель которого — простимулировать начало повествования. До начала интервью осуществляются допустимые и подписываемые соглашения, регулирующие этическую сторону контакта, степень анонимизации информанта, а также перспективы использования будущего транскрипта интервью и публикуемых на его основе текстов. Подготавливаются технические средства записи интервью.

1. Рассказчику предлагается тема для нарративизации, которая отвечает предъявленному интересу со стороны интервьюера и по предварительным отборочным критериям составляет опыт рассказчика. Ее формулировка чувствительна к управлению ретроспекцией. Используемые глагольные формы отсылают к незавершенному прошедшему времени (как складывалось, а не сложилось), в целях разворачивания времени события. Возможны стимульные изображения или рисуночные тесты, генеалогическое древо или фотографии. Затем информанту кратко

- объясняется процедура нарративного интервьюирования: не вопрос-ответная схема, а непрерывное рассказывание историй, за которым последует расспрашивание.
2. Далее в ответ на предложенное описание темы в режиме нарративизируемой истории следует основной этап повествования. Он не прерывается вопросами и не сопровождается оценками со стороны интервьюера. Возможные реакции интервьюера — эмпатийное внимательное вслушивание и невербальное поощрение к дальнейшему рассказу. При возникновении длительных пауз возможна стимуляция полувопросом: «и дальше?», «а потом что было?». Иногда можно использовать парафраз, дословно воспроизводящий последнюю фразу рассказчика, на ней замолчавшего. Основной этап завершен, когда информант, замедляя темп речи, подходит к коде рассказа, произносит такие фразы, как «ну вот, наверное, это и все, что я хотел сказать», «пожалуй, это все».
 3. Этап нарративного расспрашивания предназначен для прояснения тех неясностей, которые обозначились на предыдущем этапе основного повествования. Их можно и нужно уточнить, возвращая внимание рассказчика в тот момент рассказа и стимулируя ответ вновь в жанре нарратива. Но предъявленные неясности не повод для их оспаривания или выяснения мотивов. Вопросы «почему?» или «что вами двигало?» принципиально отвергаются из предосторожности спровоцировать рационализации. В фазе расспрашивания внимательное вслушивание интервьюера приносит свои плоды. Исследовательские вопросы, подготовленные до полевой стадии, переводятся на услышанный язык рассказчика в горизонте им затронутых тематизаций и заполняют пробелы в исследовании.
 4. После нарративного расспрашивания, призванного дополнить основной нарратив как рассказ о пережитом опыте, в некоторых вариантах нарративного интервью (например, биографического) Ф. Шютце предлагает особую фазу — запрос на обыденную теорию информанта о пережитом опыте в рассказанных событиях. Выделение этой фазы обусловлено тем, что здесь поступает запрос на тот объем рефлексии, которая доступна информанту относительно рассказанного. Но для того, чтобы перевести обсуждаемое на другой — когнитивный — уровень, необходимо «вынырнуть» из пласта прошлого времени в абстрактное время знания. Продуктом этого этапа становятся обыденная Я-концепция информанта и определенный уровень когнитивной обработки прошлого опыта.
 5. Завершающий этап — дань уважения и благодарности рассказчику, психологическое состояние которого после нарративного рассказа иногда нуждается в балансировке и во встречных усилиях со стороны интервьюера, способного оказать консультативную помощь рассказчику. Этот этап разворачивается уже не под диктофонную запись, хотя многие рассказчики продолжают процесс рефлексии, иногда формулируя ценные признания. Их статус для цитирования представляет

дополнительную сложность, оговариваемую после транскрибирования и дополнительных контактов с рассказчиком.

6. Проверяется качество технической записи и оформляется протокол беседы вместе с фиксацией этнографического наблюдения за ситуацией интервью и поведением информанта.

Анализ нарративных интервью

Нарративное интервьюирование — это метод «выращивания» нарратива, или создания историй. Поэтому анализ таких интервью направлен на те преимущества, которые создают структуры повествования: описание фактического опыта, его переживание и характер эмоций, степень осмысления опыта или рефлексия, самопрезентация рассказчика как протагониста истории. Дизайн аналитических процедур нарратива открыт для вариаций, поскольку зависит от цели и задач. Тем не менее существует репертуар аналитических возможностей, которые могут быть применены отдельно и в комбинации друг с другом. Мы упомянем здесь тематический или содержательный анализ, нарративный анализ Ф. Шютце и методологию нарративного анализа Г. Розенталя (Rosenthal, 1995).

Транскрибирование

Первым шагом в анализе нарративов является расшифровка записанных на диктофон интервью. Степень детализации транскрибирования, которая варьирует от полноты неотредактированного вербального языка в сочетании с невербальными реакциями рассказчика до отредактированной версии речи информанта, зависит от целей исследования и исследовательских норм.

Благодаря транскрибированию мы получаем более удобный носитель информации — текст. Во время этой процедуры происходит вторичное проживание состоявшегося разговора, осмысление и оценка поведения обеих сторон, пауз, атмосферы в целом. Выступая на стадии транскрибирования уже в качестве исследователя/цы, интервьюер имеет наконец возможность отследить нарративные потоки, следование респондента определенной логике и/или ее перерывы, смены стиля, видов текста, увидеть собственные ошибки, например блокирование повествовательной готовности неуместным вопросом и т.д. Одно из требований транскрипции — фиксация пауз, обрывов речи, междометий, всех паралингвистических реакций, что имеет под собой теоретическое обоснование, согласно которому мы бессознательно используем эти феномены в нашей повседневной коммуникации в качестве существенного интерпретативного подспорья. Например, наличие длинной паузы заставляет нас обратить особое внимание на высказывание, которое ее обрамляет, и безусловно участвует в реконструкции значения.

Отобранные для дальнейшей оценки интервью транскрибируются буквально в соответствии со слышимым оригиналом без оглядки на правила письменного языка и без исключений, то есть текст должен быть аутентичным. С этой целью сохраняются особенности повседневной речи, междометия, обрывы фраз, субкультурная специфика. Кроме этого, переводя слышимое в текст, необходимо проставить пунктуацию в соответствии с интонацией и ритмом речи респондента/ки. Транскрипция целого интервью, таким образом, требует временных затрат, поскольку до анализа невозможно решить, что важно для интерпретации случая, а что — нет. Если мы возьмем на вооружение основной герменевтический принцип: значения отдельных отрывков, секвенций нужно реконструировать из смысловой взаимосвязи целого текста, а не «нахлобучивать» привлеченные извне категории на сегменты текста, то очевидно, что лишь полный анализ текста позволяет судить о принадлежности отрывков определенным темам. Что это за темы и какие секвенции им соответствуют, интерпретатор может узнать только после анализа.

Тематический (содержательный) анализ

Важный пункт систематики — разложение анализа на отдельные шаги. Обобщенная модель тематического, или содержательного, анализа выглядит следующим образом (Mayring, 1990):

- определение материала,
- анализ ситуации его генезиса,
- формальные характеристики материала,
- направление анализа,
- теоретическое дифференцирование вопроса,
- определение техник(и) анализа и выбор конкретной его модели,
- дефиниции единиц анализа,
- шаги анализа с помощью системы категорий: обобщение, истолкование и структурирование,
- проверка системы категорий на теории и на эмпирическом материале,
- интерпретация результатов в зависимости от основного вопроса.

Определение исходного материала, анализ его происхождения и формальных характеристик позволяет выделить наиболее существенное для целей анализа. При определении направления анализа необходимо видеть «встроенность» материала в определенную модель коммуникации и установить, что является целью анализа: сам текст, автор текста, соответствующая сфера объекта, группа лиц или предмет с его социокультурным подтекстом. Поэтому обобщенная модель содержательного анализа имеет три варианта: обобщающий, объясняющий и структурирующий тематический анализ.

Обобщающий содержательный анализ. Здесь представлена попытка редукции материала, сохраняющей основное содержание, она сопряжена с созданием краткого обзорного текста. Среди методических правил-шагов

обобщающего анализа: парафразирование, генерализация на абстрактном уровне, редукция. Пошаговая процедура качественной редукции текста выглядит следующим образом: единицы текста постепенно сокращаются за два или три приема последовательного парафразирования, целые отрывки или абзацы переформулируются в коды. Эти коды далее сводятся к нескольким ключевым словам. Эти редукционные приемы обеспечивают обобщение и сгущение смысла. На практике текст размещается в трех столбцах: первый столбец содержит расшифровку, второй столбец содержит первое смысловое сокращение, а третий столбец содержит только ключевые слова.

Объясняющий содержательный анализ. В отличие от предыдущего он направлен на поиск дополнительного материала для понимания и объяснения отдельных неясных частей текста (понятий, предложений...). Основная мысль — систематизированный, контролируемый сбор объясняющего материала. При этом различают анализ узкого контекста, который соотносим только с прямым полем текста, и анализ широкого контекста (информация о коммуникаторе, предмете, социокультурном подтексте, целевой группе и т.д.).

Структурирующий содержательный анализ. Он имеет целью отфильтровать определенные аспекты материала и по предварительно установленным критериям осуществить «срез» материала или оценить его по этим критериям (формальным, содержательным, типизирующим, шкалирующим). Благодаря формулировке дефиниций, типичных текстуальных пассажей и правил кодировки возникает лейтмотив кодировки, который уточняет структурирующий анализ.

Продукт тематического или содержательного анализа (набор тематизаций, система кодов, ключевые слова, сформулированный лейтмотив) в идеале можно рассматривать как совмещение горизонтов исследователей и информантов: поэтапность анализа сохраняет связь с первичным нарративным уровнем рассказчика, но в направлении исследовательского вопроса.

Нарративный анализ Ф. Шютце

Ф. Шютце (Schuetze, 1976, 1983) предлагает шесть шагов для анализа нарративов.

Первый этап — детализированное качественное транскрибирование записи интервью и **формальный анализ текста** — состоит в том, чтобы сегментировать транскрипт с квалификацией нарративных и ненарративных (описания, аргументы) пассажей текста. Решение этой задачи ориентирует в нарративной готовности информанта перевести часть опыта в режим историй, а часть оставить в виде описаний либо аргументативных пассажей.

Второй этап — **структурное описание содержания** — нацелен на понимание общей сотовой структуры транскрипта как совокупности рассматриваемых нарративных и не-нарративных отрывков, формально разграниченных элементами, обрамляющими нарратив. При этом для интерпретации привлекаются формальные «сотовые» индикаторы как связующие элементы между отдельными событиями («потом», «для того, чтобы», «поскольку»,

«напротив» и т.д.), как индикаторы потока времени («еще», «уже», «уже тогда», «вдруг» и т.д.) и индикаторы недостаточной убедительности и отсутствия необходимой дополнительной детализации (затяжные паузы, внезапное снижение повествовательности, поправки самого себя с последующими отступлениями-дополнениями для объяснения причин). В ходе структурного описания содержания становится ясным, какое распределение по формальным элементам, обрамляющим нарративы, необходимо предпринять, то есть какие обрамляющие элементы имеют только локальную значимость, а какие распространяются на большие текстовые пассажи.

Третий этап **аналитической абстракции** заключается в формулировке абстрагированных от деталей структурных высказываний по отдельным сегментам транскрипта. На этой основе вырабатывается тематическая целостность как последовательность процессуальных структур пережитого опыта.

На четвертом этапе — **анализ знания** — можно объяснить теоретические аргументативные рассуждения самого информанта относительно рассказываемых событий. Базой служат как рефлексивные вкрапления из первых двух частей интервью (основной нарративный рассказ и фаза нарративных расспрашиваний), так и заключительный аргументирующий и абстрагирующий пережитое отрезок нарративного интервью.

На пятом этапе анализа проводится **контрастное сравнение** различных фрагментов интервью как модель анализа отдельного случая в единичном интервью. Какие при этом в соответствующем исследовании будут выбраны для сравнения другие фрагменты интервью, зависит от того, какой социальный феномен изучается методом нарративного интервьюирования. Сравнение на предмет сходства и различия обнаруживает вариации — **стратегию «минимального сравнения» (сходство)** на предмет сходства с исходным фрагментом текста с точки зрения интересующего феномена и уплотнения полученной из анализа первого случая категории, а также **стратегию «максимального сравнения» (различие)** фрагментов текста, которые существенно отличаются, но все же имеют хоть какие-то сопоставительные моменты с первоначальным фрагментом. Максимальное теоретическое сравнение текстов имеет функцией конфронтацию обсуждаемых, теоретически противоположных категорий, выработки альтернативных структур объяснения как социального действия, так и его предложенных мотиваций.

Наконец, на шестом этапе анализа — **конструировании теоретической модели** — различные теоретические категории становятся интересными в перспективе их систематической соотнесенности друг с другом.

Методология нарративного анализа Г. Розенталь

В герменевтической реконструкции нарративных текстов, которой придерживается Г. Розенталь (Rosenthal, 1995), основополагающее значение имеют два принципа: принцип реконструктивного анализа и принцип селективности.

Реконструктивный анализ избегает встречи текста с уже установленными системами классификаций и переменных. Вместо этого методом абдукции (термин Чарльза Пирса) эмпирический материал постепенно насыщается гипотезами, которые проверяются на последовательно подлежащих анализу частях текста, какие-то гипотезы не выдерживают проверки эмпирикой, какие-то верифицируются, затем строятся выводы и следствия. Цель подобного анализа, отличного по логике от дедукции (от теории — к гипотезам — к эмпирическому тесту) и индукции (от гипотез — к их проверке на эмпирике — к построению теории), — в поиске структуры общего типа на основе реконструкции конкретно данного социального феномена.

С **принципом селективности** связан процессуальный характер социального действия: каждое действие представляет собой выбор между некоторыми альтернативами, возможными в соответствующей ситуации действия. Цепочки действий, которые манифестируются в текстах как протоколы действий, являются тем самым процессами селекций, из которых, независимо от воли и взглядов субъекта, результируют определенные примыкающие или соединяющие действия, а какие-то определенные действия-следствия исключаются вследствие совершенного выбора.

Принятие этой позиции требует такого аналитического подхода, при котором задаются вопросом, какой горизонт возможностей открывается в определенной секвенции, какая предпринимается селекция, что остается «за бортом» и какие последствия для будущего это имеет. Из этих размышлений результирует и секвенционный анализ. В смысле абдуктивного вывода секвенционный анализ означает 1) генерирование возможных гипотез по поводу эмпирических данных, 2) формулирование следствий из гипотез о возможном дальнейшем развитии (гипотезы-следствия) и 3) контрастирование или сравнение с фактически произошедшим событием (эмпирический тест).

Секвенционный анализ мыслится в двух аспектах: как *генетический анализ*, то есть анализ процессов воспроизводства и трансформации в нарративе, а также как *текстуальный анализ*. В рамках *генетического анализа* речь идет о реконструкции наслоений опыта и пережитого в истории в порядке хронологического времени. Для этого в духе секвенционного анализа исследуются отдельные события информанта в их временной последовательности. При этом реконструируется не только контекст события, участником которого является субъект, но и действия-проблемы, вытекающие из этого, а также альтернативы субъекту действия в этой ситуации. После задаются вопросами, какова исходная проблема и какие возможности для принятия решения о действиях были у субъекта в той ситуации, что было можно и что должно (или «разумнее») было сделать тогда в смысле бытовавших правил игры. Отдельный факт истории в нарративе рассматривается независимо от того, что имеется в истории, а также независимо от того, какой дальнейший путь был выбран рассказчиком. По поводу этого факта выдвигаются всевозможные прогнозы. Важно при этом прогнозировать не только возможное воспроизводство структуры данного случая, но и условия (сочетанные

события), при которых возможны трансформации, изменения. Тем самым предупреждается опасность преждевременной детерминации субъекта. После анализа первого факта анализируется следующий, который появляется в рассказе, и все они пока вне оценок и комментариев самого субъекта. По поводу каждого факта в нарративе можно развить множество структурных гипотез, но секвенциональный анализ шаг за шагом отбрасывает многие гипотезы, так что в конце анализа сохраняются лишь определенные структурные гипотезы в качестве наиболее вероятных.

В задачи *текстуального секвенционального анализа* входит реконструкция целостности рассказа о жизни и предпринятых рассказчиком попыток связать события тематически и темпорально в единое целое. В основе этого этапа анализа лежит предпосылка, что рассказанная история состоит не из случайной цепи пережитых событий, а в отборе рассказываемых историй, принцип или смысл которого отвечает истолкованиям информанта. Рассказанная история представляет собой (гипер)секвенцию взаимосоотносимых тем, которые образуют между собой плотную сеть отсылок или указаний друг на друга. Отдельные темы здесь — элементы одного тематического поля. Основная цель заключается в том, чтобы понять, какие механизмы управляют отбором и связями отдельных тем. В соответствии с построением текста анализируют секвенцию за секвенцией. При этом абстрагируются от знания последующих частей текста и формулируют различные значения текстуального отрывка, исходя только из предшествующего и наличного знания. Интерпретации подлежат род и функция изображения событий, а не собственно пережитый опыт. Таким образом, внимание нацелено на реконструкцию системы значений субъекта, принципов упорядочения пережитого опыта по тематическим полям, и все же речь не идет лишь о реконструкции субъективно полагаемого смысла. Реконструкции подлежит в большей степени значение действий субъекта, возникающее в процессе социального взаимодействия (интеракции) и открытое рефлексии субъекта частично, в объеме его интенций.

После секвенционального анализа текста и генезиса истории оба уровня анализа сравниваются для контраста. И на пресечении или на различиях между хронологическим наслоением опытов и пережитого, с одной стороны, и темпоральными и тематическими связками современной перспективы рассказчика, с другой, обнаруживается структура случая.

В завершение отметим методологическую максиму, выдвинутую Ф. Шютце, — гомологии нарративно рассказанного пережитому. Степень этой гомологии варьирует по ряду причин: от непрофессионализма интервьюера до нарративной заблокированности рассказчика. Тем не менее ее формулировка обозначает направление, в котором развиваются методические усилия исследователя, стремящегося создать условия для нарративизации социального опыта. Но важно принять во внимание и ограничения, связанные с нарративной природой повествований: рассказывается в первую очередь о том, что релевантно для рассказчика и, соответственно, субъективно; нарративы не имеют прямого доступа к социальной реальности, речь — посредник к ней; нарративы не оцениваются как истинные или ложные, поскольку

отражают точку зрения рассказчика в определенном месте пространства и времени; наконец, нарративы всегда связаны с социально-историческим контекстом и системой референций рассказчика.

Литература

Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ., под ред. Е. Г. Трубиной, В. В. Харитоновна. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2002.

Carr D. *Time, Narrative and History*. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1986.

Engelhardt M. *Biographie und Identitaet. Die Rekonstruktion und Praesentation von Identitaet im muendlichen autobiographischen Erzaehlen // Wer schreibt meine Lebensgeschichte? Biographie, Autobiographie, Hagiographie und ihre Entstehungszusammenhaenge / Ed. by W. Sparr. Guetersloh: Mohn, 1990. P. 197–247.*

Flick U. *An Introduction to Qualitative Research*. L.: Sage, 1998.

Johnson N., Mandler J. M. *A Tale of Two Structures: Underlying and Surface Forms of Stories // Poetics*. 1980. № 9. P. 51–86. DOI: [https://doi.org/10.1016/0304-422x\(80\)90012-1](https://doi.org/10.1016/0304-422x(80)90012-1)

Kintsch W., van Dijk T. A. *Toward a Model of Text Comprehension and Production // Psychological Review*. 1978. № 85. P. 363–394. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-295x.85.5.363>

Labov W. *The Transformation of Experience in Narrative Syntax // Language in the Inner City: Studies in the Black and English Vernacular / Ed by W. Labov. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. P. 354–396.*

Labov W., Waletzky J. *Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience // Essays on the Verbal and Visual Arts / Ed. by J. Helm. Seattle: University of Washington Press, 1967. P. 12–44.*

Labov W., Waletzky J. *Erzaehlanalyse. Muendliche Versionen persoenlicher Erfahrung // Literaturwissenschaft und Linguistik / Ed. by J. Ihwe. Vol. 2. Frankfurt: Fischer Athenaeum, 1973. P. 78–126.*

Lamnek S. *Qualitative Sozialforschung. Vol. 2. Munich: Psychologie Verlags Union, 1989.*

Mayring P. *Einfuehrung in die qualitative Sozialforschung. Eine Einleitung zu qualitativen Denken*. Muenchen: Psychologic Verlags Union, 1990.

Rosenthal G. *Erlebte und erzaehlte Lebensgeschichte*. Frankfurt: Campus, 1995.

Schuetze F. *Biographieforschung und narratives Interview // Neue Praxis*. 1983. № 3. P. 283–293. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctvdf09cn.6>

Schuetze F. *Kognitive Figuren des autobiographischen Stehgreiferzaehlens // Biographie und soziale Wirklichkeit. Neue Beitrage und Forschungsperspektiven / Ed. by M. Kohli, G. Robert. Stuttgart: Metzler, 1984. P. 78–117. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-476-03188-4_5*

Schuetze F. *Zur linguistischen und Soziologischen Analyse von Erzaehlungen // Internationales Jahrbuch fuer Wissens— und Religionsoziologie. Bd. 10. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1976. P. 7–41.*

Дата поступления: 20.11.2020

INTER-Encyclopedia: Narrative Interview

DOI: 10.19181/inter.2020.12.4.8

Elena Rozhdestvenskaya

Rozhdestvenskaya Elena — *Doctor of Sociology, Professor, Faculty of Social Sciences, HSE University; Leading researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, rigasvaverite@gmail.com*

The article describes the methodology and technique for conducting a narrative interview, as well as its analysis. The narrative interview method is presented from the perspective

of a broader narrative approach based on communicative forms of storytelling. In the range of concepts of the narrative approach, the author considers the event, their selection, sequence, segmentation, linearization, coherence, the instance of the narrator, the double time perspective of the narrating I and the narrated I. The methodology of narrative interviewing by F. Schutze is presented, as well as his concept of analyzing the transcript of a narrative interview. G. Rosenthal's approach to the analysis of narrative interviews, as well as the basic principles of thematic or meaningful analysis of narratives are described.

Keywords: narrative; interview; narrative analysis

References

- Carr D. (1986) *Time, Narrative and History*. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press.
- Engelhardt M. (1990) Biographie und Identitaet. Die Rekonstruktion und Praesentation von Identitaet im muendlichen autobiographischen Erzaehlen / In: W. Sparr (ed.) *Wer schreibt meine Lebensgeschichte? Biographie, Autobiographie, Hagiographie und ihre Entstehungszusammenhaenge*. Guetersloh: Mohn. P. 197–247.
- Flick U. (1998) *An Introduction to Qualitative Research*. L.: Sage.
- Johnson N., Mandler J. M. (1980) A Tale of Two Structures: Underlying and Surface Forms of Stories. *Poetics*. No. 9. P. 51–86. DOI: [https://doi.org/10.1016/0304-422x\(80\)90012-1](https://doi.org/10.1016/0304-422x(80)90012-1)
- Kintsch W., van Dijk T. A. (1978) Toward a Model of Text Comprehension and Production. *Psychological Review*. No. 85. P. 363–394.
- Labov W. (1972) The Transformation of Experience in Narrative Syntax / In: W. Labov (ed.) *Language in the Inner City: Studies in the Black and English Vernacular*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. P. 354–396.
- Labov W., Waletzky J. (1967) Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience / In: J. Helm (ed.) *Essays on the Verbal and Visual Arts*. Seattle: University of Washington Press. P. 12–44.
- Labov W., Waletzky J. (1973) Erzaehlanalyse. Muendliche Versionen persoenlicher Erfahrung / In: J. Ihwe (ed.) *Literaturwissenschaft und Linguistik*. Vol. 2. Frankfurt: Fischer Athenaeum. P. 78–126.
- Lamnek S. (1989) *Qualitative Sozialforschung*. Vol. 2. Munich: Psychologie Verlags Union.
- Mayring P. (1990) *Einfuehrung in die qualitative Sozialforschung. Eine Einleitung zu qualitativen Denken*. Muenchen: Psychologic Verlags Union.
- Rosenthal G. (1995) *Erlebte und erzaehlte Lebensgeschichte*. Frankfurt: Campus.
- Schuetze F. (1984) Kognitive Figuren des autobiographischen Stehgreiferzaehlens / In: M. Kohli, G. Robert (eds.) *Biographie und soziale Wirklichkeit. Neue Beitraege und Forschungsperspektiven*. Stuttgart: Metzler. P. 78–117. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-476-03188-4_5
- Schuetze F. (1983) Biographieforschung und narratives Interview. *Neue Praxis*. No. 3. P. 283–293. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctvdf09cn.6>
- Schuetze F. (1976) Zur linguistischen und soziologischen Analyse von Erzaehlungen. *Internationales Jahrbuch fuer Wissens- und Religionsoziologie*. Bd. 10. Opladen: Westdeutscher Verlag. P. 7–41.
- White H. (2002) *Metaistoriya: istoricheskoye voobrazheniye v Yevrope KHIKH veka* [Metahistory: Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe] / Transl., ed. by E. G. Trubina, V. V. Kharitonov. Yekaterinburg: Ural. un-t. (In Russ.)

Received: 20.11.2020